

УДК 329.059470+571

Эволюция функциональности идеологий в партийном строительстве в современной России

В. И. Головченко

Головченко Владимир Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры теории государства и права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, golovchenkosgu@mail.ru

В статье рассмотрены основные тенденции в эволюции функциональности идеологий в деятельности партий в постсоветской России. Сделан вывод о том, что в современных условиях значительно снижена традиционная роль идеологий в качестве идентификатора и маркировочного фактора партий в политическом пространстве. В то же время продолжает оставаться значимой мотивационная роль различных идеологических ценностей, которые чаще всего используются партиями, независимо от формального декларирования приверженности конкретной идеологии.

Ключевые слова: идеологии, партии, партийное строительство, функциональность идеологий, идеологические ценности, конкуренция партий.

Evolution of the Functionality of Ideologies in Party Building in Modern Russia

V. I. Golovchenko

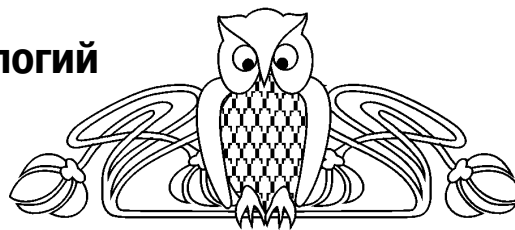
Vladimir I. Golovchenko, <https://orcid.org/0000-0001-8856-1723>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, golovchenkosgu@mail.ru

The article deals with the main trends in the evolution of the functionality of ideologies in the activities of parties in post-Soviet Russia. It is concluded that in modern conditions the traditional role of ideologies as an identifier and marking factor of parties in the political space is significantly reduced. At the same time, the motivational role of various ideological values, which are most often used by parties, regardless of the formal declaration of commitment to a particular ideology, continues to be significant.

Keywords: ideologies, parties, party building, functionality of ideologies, ideological values, competition of parties.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-93-97>

С момента возникновения политических партий современного типа идеология играла ведущую роль в их институционализации и определении функциональности. Не случайно одной из первых общепризнанных классификаций партий стало их деление М. Вебером на мировоззренческие и патронажные. Сами понятия «кадровые» и «массовые», «лидерские» и «электоральные», определяющие особенности партии в различных классификациях, в значительной степени зависели от того, в рамках каких идеологий они возникли и функционировали¹. Функциональность

данных партий не оставалась неизменной, она эволюционировала в результате изменений в политической жизни различных стран, произошедших в результате смены политических режимов, смены избирательных систем, трансформации социальной дифференциации обществ под воздействием различных факторов объективного и субъективного свойства. Особую роль сыграли «персонализация, профессионализация и медиатизация партийной деятельности, этатизация партий, ослабление их связей с обществом и некоторые другие современные тенденции в партийном развитии»². Соответственно, постепенно менялась и роль идеологий в качестве мировоззренческого и ценностного начала в их функционировании.

Специфическое становление партийной системы постсоветской России обусловило ускоренное прохождение тех этапов партийного строительства, которые в других странах занимали многие десятилетия³. В этой связи роль идеологического фактора в организационном и функциональном оформлении российских партий до сих пор остается предметом научных дискуссий.

По мнению К. В. Киселева, специфика институционализации политических партий в постсоветской России такова, что большинство из них представляют собой «квазипартийные образования», исследовать которые целесообразнее не в рамках классической партологии, а в «категориях клиентельных отношений»⁴. Собственно, такая постановка вопроса не выталкивает российских исследователей за предметное поле партологии, а лишь определяет одну из ключевых систем координат анализа особенностей возникновения и функционирования российских партий после краха советской политической системы. Тем не менее, даже в случае признания клиентельности как определяющего основания для структурирования партийной системы постсоветской России, неизбежно возникает необходимость их рассмотрения также и в системе идеологических координат. Это особенно важно в связи с тем, что границы между идеологиями становятся в определенной степени «прозрачными» и многие идеи и ценности становятся сквозными, общепризнанными для большинства политических партий. Данное явление не нивелирует политическую функциональность идеологий, но актуализирует потребность анализа

данного ценностного ядра как основания для формирования общегражданской политической культуры в современной России.

Н. И. Шестов рассматривает данную проблематику в более широком контексте, через призму концептуальной и функциональной конфликтности⁵. По его мнению, специфику становления российской партократии целесообразно рассматривать посредством «мифологических концептов». Обусловлено это тем, что функционирование различных политических институтов в рамках демократических процессов «генерирует в гражданском сознании различные, взаимно конфликтующие мифологические ракурсы восприятия политики»⁶. В результате наложения «однотипных по форме, но диаметрально противоположных по смыслу мифологических схем» стали возможными «ситуации оригинального синтеза советского и либерального понимания “демократичности” и “партийности”. Это хорошо заметно в российском партогенезе (в периодическом появлении “партий власти”) и агитационно-пропагандистском творчестве современных отечественных политических партий»⁷. На наш взгляд, такой подход действительно позволяет выявить онтологическую сущность большинства крупных политических партий постсоветской России, но недостаточно акцентирует внимание на самодостаточной роли идеологии в соотношении обозначенных концептов «демократичности» и «партийности».

Рассматривая роль идеологического фактора в политической жизни современной России в контексте отсутствия четкости границ между идеологиями, Г. И. Мусихин акцент делает на сущности и функциональности популизма. По его мнению, последний «можно трактовать как фрагментарную идеологию, которая, будучи ограничена логикой собственного использования, тем не менее формирует определенный набор представлений, взаимодействующих с мыслительными конструкциями традиционных “целостных” идеологий»⁸. Такой подход, позволяет «посмотреть на логику развертывания популизма как столкновения антагонистических дискурсов элиты и общества»⁹. Особенно наглядно его проявление в деятельности партий-аутсайдеров, которые, в свою очередь, стимулируют использование популизма также и ведущими политическими партиями. На наш взгляд, представленная автором конфигурация популизма как «незавершенной идеологии», которая «паразитирует», как «вирус», на более развитых комплексных идеологиях¹⁰, недостаточно убедительна. Возникает резонный вопрос, кто является политическим носителем популизма в качестве самодостаточной «фрагментарной идеологии», способной в силу своей примитивности приживаться в «чужой клеточной среде»? Если это некое сообщество (пусть даже неформальное) сознательных популистов, ориентиро-

ванных на внедрение в более успешную среду, то в чем тогда состоит их самодостаточность? И в чем состоит «концептуальное ядро» популизма?

Как представляется, выделение в качестве такого самодостаточного ядра апелляции к «воле народа», к «народному суверенитету», к диалогическому противопоставлению интересов бедных и богатых, верующих и неверующих, титульной нации и нацменьшинств не вполне правомерно. Скорее, речь нужно вести об изменении содержательной и функциональной сущности современных партий, позиционирующих себя в качестве сторонников и носителей традиционных «комплексных идеологий». Деятельность партий в качестве главных субъектов политики, выступающих инструментами выражения и представления в политике интересов крупных социальных групп на основе апелляции к единым мировоззренческим и социальным ценностям, в последние десятилетия подверглась существенной эрозии. Причин тому много: от существенного изменения социальной стратификации современных обществ до изменения приоритетов в мотивации политического выбора. Эта эрозия была настолько существенной в большинстве стран, что нашла свое отражение в концепции деидеологизации.

Популизм стал неотъемлемым атрибутом самих партий, который должен был компенсировать утрату той роли, которую прежде играла идеология в качестве ценностного ядра в мотивации голосования за партии. То есть популизм – это не вирус, внедренный извне, а результат внутренней мутации функциональности политических партий, результат обострения конкуренции на одних и тех же электоральных полях, результат многомерности и подвижности мотивов политических предпочтений у представителей различных электоральных сегментов.

В России ситуация еще сложнее из-за резкого перехода от однопартийной системы, базирующейся на тотальной индоктринации государственной идеологии, к многопартийности, основанной на попытках искусственно, в ускоренном режиме, внедрить в массовое сознание ценности различных универсалистских и специфических российских вариантов тех или иных идеологий.

Возникшая пестрота и фрагментация постсоветского политического пространства в качестве неизбежной «детской болезни» не была изжита ни стремлением ускоренно внедрить либеральные ценности, ни политико-правовыми условиями по укрупнению партийной системы. Обусловлено это тем, что в условиях радикального перехода от одной политической системы к другой, от одного политического и социально-экономического строя к другому и резкого ухудшения материального положения большинства населения апелляция к идеологическим ценностям неминуемо приводила к их дискредитации. Особенно это ха-

рактарно именно для либерального сегмента партийной системы современной России, ценности которого были дискредитированы в глазах большинства населения не только негативными последствиями радикальных реформ 1990-х гг., но и антинациональной позицией либералов в связи с возвращением Крыма в состав России и гражданской войной на Украине¹¹.

Более обоснованным представляется подход О. Ю. Малиновой, которая, анализируя влияние идей на политику, акцент сделала на его функциональной двойственности. Суть ее состоит в том, что «идеи могут выступать и проводниками инноваций, и инерционной силой, определяющей рамки возможных социальных изменений, т. е. фактором удержания и преемственности»¹². Однако обращение к опыту западноевропейских и американских исследователей такого двойственного воздействия идей на политику, которое обосновывает О. Ю. Малинова, на наш взгляд, должно быть дополнено разработкой отечественной методологии, учитывающей конкретный исторический опыт нашей страны в последние десятилетия. Особенно важно в рамках анализа такой функциональной двойственности оценить манипуляционный потенциал обращения различных политических сил к тем или иным идеологическим идеям. Выявить его не так просто с учетом того, что сами технологии манипулирования основываются на тщательной маскировке латентных целей субъектов политики, на апелляции в публичном информационном пространстве к благородным и социально значимым аргументам. Главным критерием в этом случае выступает практика, но в условиях специфического политического дизайна государственного устройства Российской Федерации он также нередко оказывается недостаточным. Например, партия «ЯБЛОКО» активно использует тезис о том, что даже в тот период, когда она была представлена в Государственной Думе, ее депутаты не могли реализовать декларируемые идеи и ценности партии в силу своей немногочисленности в парламенте. Лидеры КПРФ даже в тот период, когда их фракция была самой многочисленной в Государственной Думе, не могли воплотить свою программу на практике, апеллируя к тому, что стратегия развития всех сфер общественной жизни в нашей стране определяется Президентом Российской Федерации.

М. А. Аль-Дайни, анализируя манипулятивные технологии, выделила несколько их отличительных особенностей: «1) идеологический эклектизм, обусловленный перманентной идеологической инфильтрацией, которая способствует проникновению чужеродных элементов; отсутствие стабильного идеологического «ядра», базовых формообразующих стержневых идей, принципов идеалов, идейная бесформенность и структурная аморфность»¹³. Возникает вопрос: как быть с общемировой тенденцией признания

ключевых ценностей демократии представителями всех метаидеологий? Можно ли считать эклектикой признание лидерами КПРФ основных политических прав и свобод граждан, закрепленных в Конституции РФ? Думается, целесообразнее акцент делать именно на внутренней противоречивости идеологических элементов, на наличии тех ценностей, которые противоречат общей логике идеологического «ядра».

Второй особенностью, выделенной автором, является «установка на ретрансляцию идей, привнесенных извне, вместо внутреннего производства собственных идей»¹⁴. Как представляется, такой аморфный критерий определения манипулятивности идеологий ничего не дает. Например, если какая-то беспартийная группа инициативных граждан сфокусирует внимание партийных лидеров на какой-либо важнейшей общественной проблеме (экономической, социальной, экологической, молодежной, женской и т. д.) и партия сделает ее ключевой в системе идеологических ценностей и включит ее в свою программу действий – почему этот факт нужно будет считать признаком манипулятивности ее деятельности?

Еще более необоснованным в качестве такого критерия можно оценить третью особенность, выделенную автором: «...перманентные мутации в зависимости от характера массовых настроений, который, в свою очередь, детерминирован характером общественно-политической ситуации в государстве»¹⁵. Получается, по мнению автора, что партия должна следовать своим идеологическим ценностям и принципам, независимо от конкретных изменений в обществе и конкретных внутривнутриполитических и внешнеполитических обстоятельств, определяющих данную ситуацию. Подобный подход, например, демонстрируют российские либералы, которые, невзирая на очевидную информационную, политическую и экономическую войну США и их союзников против России, продолжают настаивать на своих идеологических установках о необходимости сближения с западноевропейскими странами¹⁶.

Четвертый признак манипуляционности идеологии партии, по мнению автора, состоит в отсутствии «собственной стабильной социальной базы и определенной социально-политической цели», в стремлении «привлечь на свою сторону максимально возможное количество людей без учета дифференциации их настроений»¹⁷. Фактически М. А. Аль-Дайни тем самым подвергла сомнению устоявшиеся оценки стратификации современных обществ по гораздо большим основаниям, чем это было в период формирования и функционирования классовых партий. Фактически каждый гражданин самостоятельно ранжирует предпочтения в своей мотивации голосования за ту или иную партию, и не все они находятся в одной и той же системе идеологических координат.

Наконец, к пятому признаку манипулятивных технологий автор отнесла «изменение типа доминирующей мотивации субъектов политического действия и типа отношений между участниками политического взаимодействия». В результате манипулятивные идеологии превращаются «из средства манипулирования в его объект, что, в свою очередь, порождает полное несоответствие формы, в которую они облачаются, и содержания ретранслируемых ими идей»¹⁸. Тем самым автор фактически полностью отрицает конструктивную функциональность метаидеологий, которые превращаются в инструмент манипулирования и служат маскировке «истинных целей» субъектов политики. Поэтому определенным диссонансом выступают приведенные М. А. Аль-Дайни характеристики «традиционных идеологий», суть которых состоит в дихотомичности приведенным выше признакам. Границу между традиционным и манипулятивным способом использования идеологий в политике автор фактически не определяет, констатируя наличие в современной России тенденции усиления манипуляционного начала в использовании идеологий политическими партиями. Прямого ответа на вопрос о том, есть ли сегодня традиционная функциональность идеологий, она не дает, хотя общий контекст ее публикаций позволяет предположить, что такое функционирование характерно для западноевропейских демократических стран. Однако большинство партологов, исследующих общемировые тенденции развития партий, утверждают, что классические партии уходят в прошлое и на первый план выходят «электоральные партии», ориентирующиеся в своей деятельности на конкретные конъюнктурные потребности избирателей.

В процессе эволюции партийной системы в постсоветской России функциональность партийных идеологий также менялась. В момент формирования партий и общественно-политических движений многие из них стремились использовать классический набор функций применения идеологий (мировоззренческий, ценностный, программно-теоретический, идентификационный и др.). При этом максимально использовался весь набор метаидеологий и их различных вариаций, сложившийся на тот период в мировой практике, а также возрождение специфического набора российских идеологических вариаций, имевших место в истории дореволюционной России. Однако в условиях отсутствия укорененности в массовом сознании идей и ценностей не только специфических, но даже базовых метаидеологий, большинство партий стали использовать декларирование приверженности к конкретным идеологическим ценностям, прежде всего для обозначения своих позиций в политическом пространстве и размежевания с другими партиями и движениями. С учетом того, что многие политические силы возникали

на одних и тех же идеологических основаниях, то акцент делался не столько на индоктринацию идеологических ценностей и принципов своей партии, сколько на демонстрации личностных качеств партийных лидеров. То есть формально идеологизированные партии на практике формировались как лидерские.

Еще одна тенденция, которая существенно повлияла на снижение качества функциональности партийных идеологий, – это дихотомическое деление в информационном пространстве постсоветской России всех партий на сторонников и противников демократических реформ. В результате в массовом сознании не закрепились особенности тех или иных идеологий, не происходило их осмысления в качестве мотивов политического поведения. Это особенно сильно сказывалось в условиях размежевания политических элит, с одной стороны, вокруг личности Б. Н. Ельцина, а с другой, вокруг его противников. Отечественные либералы, сделав ставку на харизму и волевые качества Б. Н. Ельцина в разрушении СССР и социалистического строя, фактически не использовали открыто в этот период либеральные ценности в качестве аргументов для привлечения населения на свою сторону. Акцент делали на критике недостатков и негативных явлений в различных областях общественной жизни периода перестройки и неспособности союзного руководства устранить существующие противоречия.

После прихода к власти либеральных сторонников Б. Н. Ельцина все свои информационные ресурсы они направили на обоснование радикального варианта реформ, базирующегося на максимальном разрушении основ советской политической и социально-экономической системы. Для этого использовали идеи и ценности либерализма XVIII–XIX вв., эпохи обоснования «государства ночного сторожа». Акцент делали на том, что тотальное государственное регулирование всех сфер общественной жизни нужно разрушить, а «невидимая рука рынка» и внедрение частной собственности все наладят и отрегулируют. Тем самым изначально закладывалось отторжение большей частью российского населения данного варианта либерализма, приведшего к резкому падению уровня жизни. Б. Н. Ельцин должен был стать гарантом такого варианта, а проправительственные партии – основным инструментом его реализации.

В совокупности данные тенденции привели к тому, что функциональность идеологий (либерализма прежде всего) была дискредитирована. Соответственно, никакой структуризации российского общества по идеологическим основаниям не произошло.

Особняком здесь можно выделить левые партии, которые пытались реанимировать различные варианты социалистической и коммунистической идеологии. Наиболее ресурсной в

этом смысле стала КПРФ, которая апеллировала к протестным настроениям и ностальгическим чувствам россиян. Переломным рубежом в этом смысле стали 1995–1996 гг., когда конкурирующие друг с другом сторонники либерализма, тем не менее, выступили единым фронтом в дискредитации лидера КПРФ и его единомышленников. После поражения Г. А. Зюганова на выборах Президента РФ в 1996 г. идеологический потенциал КПРФ в силу ряда объективных и субъективных факторов стал ослабевать.

В целом, подводя итог, можно констатировать, что целесообразнее вести речь не о превращении метаидеологий и их различных вариаций в некие манипуляционные идеологии, а о манипуляционном их использовании российскими политическими партиями. Функциональная сущность самих идеологий остается неизменной (мировоззренческое и ценностное ядро, обоснование отношения к прошлому и настоящему, формирование образа будущего и т. д.). Поэтому все зависит от целеполагания и особенностей их использования партийными носителями, т. е. от эволюции функциональности самих партий. К ним относятся и все обозначенные выше характеристики популизма, эклектичности и ущербности. Как минимизировать негативные последствия подобной партийной функциональности – это отдельный и самодостаточный вопрос для рассмотрения.

Примечания

- ¹ См.: Дюверже М. Политические партии / пер. с фр. Л. А. Зиминой. 4-е изд. М. : Академический проект ; Трикта, 2007.
- ² Спасский Е. Н. Трансформация политических партий и их типологическая концептуализация : опыт западной партологии // Полития. 2008. № 2 (49). С. 111.
- ³ См.: Феномен многопартийности в российском обществе / В. М. Долгов [и др.] ; ред. О. Н. Гладышева. Саратов : Научная книга, 2006.
- ⁴ Киселев К. В. Партийное проектирование в совре-

менной России : роль идеологии. URL: <http://www.echoekb.ru/blogs/2011/3/4/1/1627/495/> (дата обращения: 22.03.2011).

- ⁵ См.: Шестов Н. И. Миф «демократичности» и миф «партийности» : логика концептуального и функционального конфликта // Демократия в современном мире. Демократия versus партотократия. Демократия versus бюрократия : сб. ст. рос.-герм. «круглых столов». М. : РОССПЭН, 2009. С. 136–153.
- ⁶ Там же. С. 137.
- ⁷ Там же. С. 151–152.
- ⁸ Мусихин Г. И. Популизм : структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? // Полития. 2009. № 4 (55). С. 40.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 51.
- ¹¹ См.: Вилков А. А. Эволюция российской многопартийности после выборов 2016 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 62–69. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-62-69
- ¹² Малинова О. Ю. Идеи как независимые переменные в политических исследованиях : в поисках адекватной методологии // Полис. 2010. № 3. С. 95.
- ¹³ Идеино-символическое пространство постсоветской России : динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О. Ю. Малиновой. М. : РОССПЭН, 2011. С. 35.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Это, по сути, есть реинкарнация ленинской идеи периода Первой мировой войны, когда большевики продолжали руководствоваться установками предвоенных международных социалистических конгрессов, нацеливающих социалистов всех европейских стран, в случае начала войны, на ее превращение в гражданскую войну для свержения своих империалистических правительств. Большевики оказались, по существу, единственной политической партией, открыто призывавшей к «поражению своего правительства».
- ¹⁷ Идеино-символическое пространство постсоветской России ... С. 35.
- ¹⁸ Там же.

Образец для цитирования:

Головченко В. И. Эволюция функциональности идеологий в партийном строительстве в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 93–97. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-93-97>

Cite this article as:

Golovchenko V. I. Evolution of the Functionality of Ideologies in Party Building in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 93–97 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-93-97>